

Тяжкая утрата.

Умеръ Михаилъ Прововичъ Садовскій. Отмерла огромная часть того огромнаго, свѣтлаго, прекраснаго, что носить имя московскаго Малаго театра.

Люди измѣнчивы. Новые дни создаютъ новыхъ кумировъ, и старый Малый театръ не стоитъ теперь впереди побѣднаго шествія искусства. Не отъ него ждуть откровеній будущаго, а, вѣдь, искусство живетъ только откровениями, только новымъ, всегда новымъ, неожиданнымъ, революціоннымъ.

Но для тѣхъ, кто не только бѣгаетъ по крику сегодняшняго дня, но и умѣетъ сохранить въ своемъ сердцѣ великую признательность за великое прошлое, — для тѣхъ Малый театръ — единственная святыня въ области театра.

Малый театръ. Онъ родился вмѣстѣ съ нашей культурой. Малый театръ, это — величайшій русскій драматургъ Гоголь; это — величайшій русскій актеръ Шепкинъ, это — цѣлый рядъ артистовъ-гигантовъ, это — Островскій; это то, на чемъ воспитывались наши дѣды, отцы, мы сами.

Пускай сейчасъ, въ переходную эпоху, когда на всѣхъ путяхъ своихъ мы почувствовали необходимость новаго, на его мѣсто сталъ новый властитель думъ и чувствъ, — не забудемъ стараго.

Новому скажемъ:

— Въ свѣтлый часъ! Пускай твое будущее будетъ такъ же радостно, какъ твое начало; пускай ты, восходящее свѣтило, сильнѣе свѣтила заходящаго, — но ты, радостный и прекрасный, ведешь насъ десять короткихъ лѣтъ, а онъ былъ откровениемъ въ теченіе почти цѣлаго вѣка.

Въ то время было такъ мало щелей, черезъ которыя проникалъ къ намъ свѣтъ. Теперь ты, счастливый, славный властитель, являешься однимъ изъ множества источниковъ свѣта; тогда онъ, старый Малый театръ, былъ только-что не единственнымъ. Дай Богъ, чтобы ты, счастливый властитель думъ, сыгралъ такую же великую роль, какъ

старый Малый театръ, и тогда въ сердцахъ всей страны твои потери будутъ отзываться такою болью, словно изъ этихъ сердецъ вырываютъ живые куски мяса.

Старый славный Малый театръ переживаетъ тяжелую пору; это — пора потерь.

Старая гвардія, великая столькими побѣдами, считаетъ своихъ славныхъ воиновъ и не досчитывается. Одни за другими на нашихъ глазахъ выбываютъ они изъ строя.

Дрогнули ряды; слишкомъ велика послѣдняя потеря: слишкомъ много ушло съ Михаиломъ Прововичемъ Садовскимъ.

Великій сынъ великаго отца, онъ сорокъ лѣтъ былъ гордостью и украшеніемъ Малой сцены. Какая огромная вереница образовъ, какой рядъ побѣдъ, сколько подвиговъ въ области художественнаго.

Творчество Малаго театра нельзя отдѣлить отъ творчества Гоголя и Островскаго. Не потому, что игрались ихъ пьесы, но потому, что это была въ театральномъ искусствѣ та же школа, та же кряжистость, тотъ же свѣжій и сочный реализмъ, та же художественная сила и правда.

Не на мгновенье, какъ современные литературныя эфемериды, творили Гоголь и Островскій, но въ долготу дней; не на мгновенье, но многими десятилѣтіями восхищали артисты Малаго театра, и такіе, крупнѣйшіе изъ нихъ, какъ М. П. Садовскій. Его Хлестаковъ, его Аркашка, его Мурзавецкій, Карандышевъ, — все это — созданія огромнаго правдиваго, порою безжалостно правдиваго таланта, реалиста, съ большою примѣсью сатирика.

Умеръ М. П. Садовскій, знаменитый, но знаменитый только въ Россіи, тогда какъ, при другихъ условіяхъ, могъ бы быть европейски знаменитымъ.

Умеръ Михаилъ Прововичъ, и тяжкая рана нанесена и его талантливой семьѣ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и дружной, спаянной, славной семьѣ Малаго театра, и всѣмъ любящимъ театръ москвичамъ, и всей театральной Россіи.

Бѣдный Малый театръ! Одного за другимъ теряешь ты тѣхъ, кто создалъ твою славу, гордость и красоту...

СЕРГѢЙ ЯБЛОНОВСКІЙ.

Русские Слѣва №174 — 30 июля 1910г.

Маленькій вѣнокъ.

Въ открытое окно доносится печальное церковное пѣніе. Въ двадцати саженьяхъ отъ моей квартиры, въ маленькой Благовѣщенской церкви, отпѣваютъ М. П. Садовскаго. Толпа народа. Масса роскошныхъ вѣнковъ.

Мнѣ хочется положить маленькій, незамѣтный вѣнокъ изъ свѣжихъ розъ. И на немъ глухо написать:

— Отъ нашего поколѣнія.

1896 годъ. Такое же прекрасное, свѣжее, какъ сегодня, утро. Но раннее утро. Около запертой двери Малаго театра толпа. Больше всего насъ, студентовъ. Впередъ востроносенькая курсистка. Липо у ней измяты, глаза красны. Она рассказываетъ:

— Я стою съ одиннадцати вечера. Какой-то пьяный два раза гонялся за мной по площади. Сколько страха пережила, по не ушла. Такой составъ! И начало сезона. Страшно хочется въ театръ...

Въ витринѣ афиша. Завтра «Ревизоръ». Макшеевъ — горючій. Садовскій — Хлестаковъ.

— Господи, какъ хорошо! — вырывается у курсистки.

Прошло томительныхъ пять часовъ. Наконецъ, заветныя двери открылись, и мы, съ драгоценными билетами въ 37 коп., уходимъ довольные, веселые, улыбающіеся.

— Встрѣтимся завтра! — говоримъ случайнымъ знакомымъ.

Завтра — торжество. Наша галерка священнодѣйствуетъ. На «чердакъ» въ углахъ набилась масса молодежи. Спертый, тяжелый воздухъ. Потъ градомъ. Но ни

одного рѣзкаго движенія, ни одного возгласа, иногда слышишь, какъ у сосѣда бьется подъ шуртукомъ сердце... Садовскій — молодой, изящный. Мы впились въ него жадными глазами...

Я видѣлъ послѣ многихъ Хлестаковыхъ, но такого, какъ Садовскій, не видѣлъ. Можетъ-быть, просто потому, что мнѣ дорого это воспоминаніе моей юности. Если у васъ была юность, читатель, вы поймете меня...

Быстро проходитъ пьеса. Нѣмая сцена, и — мы одни... Кричимъ, бѣснуемся...

— Какъ хочется еще посмотреть, — говоритъ курсистка, моя сосѣдка.

А потомъ безконечные разговоры, жаркіе споры. Опѣйка, — молодежь, восторженная, часто съпьялая... Мы жили Малымъ театромъ, безосознательно впитывали въ себя его традиціонное благородство, приобрѣтали вкусъ, развивались, накопили, переживали слачайшія минуты душевнаго подъема, такой благороднѣйшей росой спускавшіеся на наши молодыя, полныя жизни, сердца. И не роскошью, не эстетическимъ десертомъ, былъ для насъ этотъ театръ. Какъ это ни странно, но наши тогдашніе студенческіе политическіе идеалы и переживанія не могли обходиться безъ Малаго театра. На сценѣ его были комедіи Островскаго или пьесы съ обычнымъ «цензурнымъ» содержаниемъ. Но этотъ высокий, изящный стиль игры, благородство и моральное обаяніе ея въ нашихъ душахъ тѣсно, гармонически переплетались съ благородствомъ общественнымъ и политическимъ, съ протестомъ и борьбой. Насъ воспитывали не пьесы, а таланты артистовъ. Учили Ермолова, Садовскій, Южинъ, Горевъ, Макшеевъ и др.

Я отлично помню, что только вѣщные мы отдѣляли Малый театръ отъ захватившаго насъ тогда жаркаго спора народниковъ и марксистовъ. Это были разные темы. Но внутренне мы сливали ихъ, ибо впечатлѣніе было одно и то же. Въ насъ горѣлъ одинъ огонь, куда бросали сухія дрова и М. П. Садовскій, и Н. К. Михайловскій, и Карлъ Марксъ.

И еще я помню одинъ хорошій — хорошій моментъ. Мой родной провинці-